

позиционных течений (нестяжательства и ереси) повторяется с еще большей настойчивостью. Мысль эта получает даже философское обоснование в теории абсолютного своеобразия русского исторического процесса, выражающегося в отсутствии в древней Руси общественной борьбы. Из представления о полном своеобразии русской политической и идеологической истории исходят и иностранные авторы.

Нет необходимости доказывать неприемлемость этих теоретических предпосылок для советской науки. Советская наука поставила вопрос об идеологических движениях в период образования Русского централизованного государства в связь с социальными отношениями того времени; для советских историков и литературоведов и еретики, и иосифляне, и нестяжатели являются представителями определенных социальных групп; официальная идеология Русского централизованного государства также рассматривается как порождение общественной и идеологической борьбы того времени. Но этого мало. Если основой идеологической борьбы является борьба классовая, если в период образования централизованного государства на Руси действительно существовало широкое еретическое движение, являвшееся «революционной оппозицией феодализму», то современный исследователь никак не может следовать за концепцией, согласно которой главным идеологическим конфликтом конца XV—начала XVI в. была борьба между сторонниками Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, а еретики были лишь более или менее радикальными союзниками Нила. Очевидно, главный водораздел в идеологической борьбе того времени должен был проходить по линии классового антагонизма; между тем ни Иосиф Волоцкий, ни Нил Сорский не могут рассматриваться как представители антифеодальных элементов.

В советской науке не было попыток фактического пересмотра всей истории идеологической борьбы в период образования Русского централизованного государства. Объясняется это в первую очередь тем, что работы, в которых ставятся общие вопросы истории общественной мысли конца XV—начала XVI в., как и работы Г. В. Плеханова, М. Н. Покровского и Н. М. Никольского, не были исследовательскими работами. Это обобщающие труды, использующие материал, собранный предшествующими исследователями. Отсюда их неизбежная зависимость от взглядов прежних исследователей.

Само собой разумеется, что неприемлемость теоретических позиций авторов, писавших об общественных движениях конца XV—начала XVI в. не дает еще оснований отвергнуть использованный ими фактический материал: в науке нередки случаи, когда, правильно установив факты, исследователь дает им неверное объяснение. Но не менее часто встречается в науке и другое явление, когда исследователь, идя от той или иной предвзятой концепции, ищет и подбирает факты (нередко бессознательно) в определенном направлении. Не останавливаясь здесь на специальных работах по отдельным вопросам истории общественной мысли Московской Руси, заметим, что в этих работах предвзятая идея об антагонизме «иосифлян» и «нестяжателей» как основным стержне идеологической борьбы того времени играла важнейшую роль. Изучая жития древнерусских святых, исследователи искали в них нестяжательского «критицизма» или иосифлянского «консерватизма»; всякое упоминание о «свободе» или нападки на корыстолюбие воспринимались как неперенный признак нестяжательства и т. д. А между тем фактическая сомнительность традиционной характеристики еретиков, Иосифа и Нила ощущалась, как мы видели, уже некоторыми дореволюционными авторами. Вот почему критическая проверка фактов, установленных прежними исследователями русской об-